

Иванов М.В.

*Петербургский государственный университет путей сообщения
Императора Александра I, Санкт-Петербург, Россия*

Парадоксов друг

25 декабря 2021 года исполнилось 75 лет Виктору Михайловичу Аллахвердову – доктору психологических наук, профессору факультета психологии СПбГУ. Такой необходимой и официально звучащей справкой стоит начать текст юбилейного жанра, но мне хочется ею же, пожалуй, обязательную часть и закончить. И не потому, что я недостаточно ценю Виктора Михайловича, а потому, что желал бы найти более уместные слова, посвященные лично нему.

Сейчас выходит из печати 7-томное собрание сочинений Аллахвердова – случай замечательный в нашей науке. И предисловия к томам публикуют крупнейшие современные отечественные психологи. (Д.В. Ушаков, В.Ф. Петренко, А.В. Юревич, Т.Ю. Базаров, Б.С. Братусь,

А.Ю. Агафонов). Нет такого вступления лишь к седьмому тому. Он является уникальным даже в обильном многожанровом наборе современных ученых «трудов». Автор с предельной серьезностью и ответственностью рассказывает о своей теоретической системе психологии (психологике) не просто в процессе ее концептуального становления (что само по себе является редкостью). Но Наука «прошивается» автобиографическими рассказами, которые демонстрируют движение индивидуального переживания интеллектуальных открытий и заблуждений; сопровождается, на первый взгляд, далеко отстоящими от главной темы, упоминаниями и ассоциациями, рассказами о, мягко говоря, экзотических поступках. Все приправлено самокритичными выпадами и заострено резкими до крайности теоретическими высказываниями, ошарашивающими обученных по стандартной программе психологов. Да и стиль далек от академической выдержанности, представляет почти все регистры научной, публицистической и художественной прозы. Разумеется, нет хамства, вульгарности, начетничества, грубых личных выпадов, скучной поучительности... Но и никакой закругленности, никакой завуалированности, никакого сглаживания конфликтных построений. В тех или иных фрагментах часто чувствуешь традиции Монтеня, Августина, Герцена, Фрейда, Джемса, Вертгеймера, интонации Сократа-Платона... и не только их. Но это скорее цветные стеклышки уникального витража. Кроме того, воспроизводится опыт – да, да! – Галилея, который в своем знаменитом трактате ввел собеседником Простака (Симпличио). Так воскрешается диалогическая структура творений Платона (здесь уже пробивается показанная М.М. Бахтиным карнавальная струя мениппеи, сократического диалога, «многоголосой» прозы Достоевского). Ситуация усложняется еще и тем, что автор выступает «един в трех ликах»: вводится еще и фигура упорного критика (Прекослова), а в кусках текста не сразу поймешь, кто здесь берет на себя роль средневекового «адвоката дьявола».

Сразу же скажу, что я с большим интересом и огромным удовольствием прочел этот текст и считаю его выдающимся достижением нашей национальной культуры. О нем и хочу поразмышлять. Я вхожу в круг близкого общения Виктора Михайловича и понимаю, почему не стал бы писать вступление к тому самому седьмому тому. Во-первых, я оказался невольно внедренным в собрание сочинений Аллахвердова (там опубликованы наши общие статьи и мой большой полемический отрывок в его книге «Психология искусства» – почитаю это за большую честь). Во-вторых, я являюсь персонажем его последнего многогеройного и многоликого труда. С Виктором Михайловичем я знаком и дружен 52 года (со студенческой поры), а в течение 45 лет состоял сотрудником кафедр, которые он возглавлял, поэтому был в курсе многих событий его жизни. И в фактической стороне его воспоминаний не нашел искажений и натяжек, а кроме того, узнал много нового и о нем самом, и о неизвестных мне событиях его жизни. Но главное, конечно, это построенная им картина внутреннего космоса человека. И избранный Аллахвердовым жанр повествования позволяет показать органическое соединение биографически воплощенной личности мыслителя с потоком его поисков и общих законов сознания, им постигнутых. Я постараюсь взглянуть на все через жанр.

Начну со знаменитого стихотворения Пушкина 1829 года:

О, сколько нам открытий чудных
 Готовят просвещенья дух
 И опыт, сын ошибок трудных,
 И гений, парадоксов друг,
 И случай, бог изобретатель.

Путь открытия лежит через парадокс. Для поэтов – открывателей новых образов – такой взгляд с начала эпохи романтизма не секрет. Начиная с первых детективов Эдгара По, мы встречаемся и с парадоксальным мышлением, и с парадоксальной личностным устройством разгадывателя

уголовных и бытовых головоломок (таков, скажем, Дюпен из рассказа «Похищенное письмо»). Специалисты по теории творчества, пусть и недавно, стали говорить о креативной составляющей сознания. Правда, его «низшим» формам отводилась роль скорее репродуктивная (и разрабатывались методы преодоления «функциональной фиксированности»). Но чтобы представить все коренные механизмы сознания как динамическую систему решения возникающих парадоксов и чтобы предложить проект универсального действия законов их разрешения – такую парадигму можно было предложить только будучи личностью, пронизанной парадоксами и выражающей их в многообразии жизненных проявлений: и в науке, и в типе поведения, и в стиле изложения мыслей. Таков Виктор Михайлович Аллахвердов – со всеми сильными качествами и их уязвимостью.

Я познакомился с Виктором Аллахвердовым летом 1969 года на военных сборах, где нас, университетских студентов-гуманитариев старших курсов, готовили к получению офицерского звания. Я (филолог-русист) и Витя (психолог) как-то незаметно обнаружили общность интересов, обогащенную разностью профессиональных «потенциалов», так что быстро перешли на ты. И я был поражен его стремлением дойти до крайних пределов мысли, смелостью иметь независимое и часто необычное мнение. Впоследствии я стал зачитываться его работами, потому что влекла их интеллектуальная мощь, способность емко собирать идеи в единую конструкцию и показывать многогранные связи суждений, когда, по словам Пушкина, «словам тесно, а мыслям просторно». Никакого суесловия! Многие ученые стремятся показаться знающими и солидными с помощью цитат, утомительных перечислений, умопомрачительных таблиц, необозримых многоязычных ссылок на труды «по теме». Тексты Аллахвердова могут конкурировать с самыми знаменитыми книгами «удельной емкостью мысли». Сразу же скажу, что герой моих рассуждений для меня выступает в двух лицах: эмпирического (бытового, с привлекательными привычками и

индивидуальными предпочтениями) и загадочно абстрагированного, внутренне изолированного, живущего вне привычного времени и пространства, – какой-то мыслящей «вещью в себе», способной только ей известными способами плодить завораживающие идеи. И начинаешь понимать Белинского, который с удивлением говорил о Герцене: «И зачем одному человеку столько ума?» О теории Аллахвердова я высказывался в печати не один раз, будучи его союзником, многому у него научился и по ряду позиций полемизировал с ним. При этом старался в свой улей переносить его мед: опираться на идеи Виктора Михайловича¹. И всегда намекал ему на необходимость написания им обобщающего, итогового труда, в котором бы все главные идеи были бы расставлены по своим местам. Теперь такое творение есть, но в жанре столь своеобразном, что непросто «отождествить нетождественное» (мое ожидание и его воплощение), и в то же время легко почувствовать стиль жизни и мысли автора. Коль скоро 7-й том не опубликован, то я буду цитировать фрагменты из него без указания страниц – и, разумеется, с согласия автора. (Надеюсь, что с опубликованием моей статьи текст уже выйдет из печати.) На последней странице Аллахвердов дает окончательное объяснение: «Любая человеческая деятельность связана со всей его жизнью, со всем накопленным им опытом. Это, кстати, прямо следует из моих рассуждений о сознании. Поэтому биография и ученого, и художника позволяет лучше понять, как он пришел к тем или иным замыслам, хотя и не имеет никакого отношения к их оценке». Виктор Михайлович готов оценивать избранный профессиональный путь по самому большому счету: оплачивать своей жизнью. Можно представить, в какое ответственное и напряженное положение он ставит того читателя, кто хочет с ним обрести идейное содружество. Абстрактный разговор превращается в проверку на личностную состоятельность обоих

¹ Иванов М.В. Теория дидактики и практика обучения в контексте позитивного и негативного выбора сознания // Вестник УДГУ. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2020. Т. 30. № 2. С. 189-204.

собеседников, ибо начинается обсуждение самых значимых, коренных, «крайних» вопросов.

И в книгах, и на лекциях В.М. Аллахвердов начинает с того, что обращается к тем фактам и событиям, понимание которых кажется аудитории само собой разумеющимся. Вдруг – чуть ли не в каждом пункте рассуждений – оказывается, что все нужно осмыслить строго наоборот или в совершенно неожиданном ракурсе. Завлекательно чрезвычайно! Но возможно и появление такого состояния, которое возникает у человека, впервые испытавшего невесомость: пол поехал под ногами, где верх, где низ – неизвестно, мир не мир, я не я... Общепринятые утверждения опрокидываются меткими опровержениями, примеры сыплются как из рога изобилия. Изумленный читатель или слушатель чувствует себя огорошенным, ошеломленным, чуть ли не стертым в порошок. Привычные идеи меркнут, сгущаясь в тьму предрассудков. И только тогда, когда кажется, что восторжествовал адский мрак заблуждений и «в поле не видно ни зги», рассказчик бросает первый луч надежды. Даже как-то не верится, что этот мягкий, деликатный, терпимый в общении человек склонен к духовной «шоковой терапии», которую выдержит далеко не каждый. Но это так, сам пережил и сам был свидетелем. И при всем том, Аллахвердов мягок и любезен в общении, оригинален и ярок без вычурности в поведении, неагрессивен в споре. С Виктором Михайловичем я сыграл не один десяток шахматных партий, и у меня не один раз всплывало в уме сравнение Аллахвердова с Д.И. Бронштейном и М.Н. Талем – великими шахматистами и выдающимися личностями. Эти уживчивые, мирные в быту, доброжелательные джентльмены за шахматной доской превращались в яростный вулкан нескончаемых головоломных комбинаций, блеск которых не тускнеет от того, что многие из них получили опровержение впоследствии. Если Таль был скорее «счетчиком» и практиком, то Бронштейн явил собою тип мыслителя, для которого шахматы представляли

лишь игровую модель человеческого мышления. Такая бытовая неконфликтность в союзе с внутренней свободой, доброй чудаковатостью манер и вкусов располагала к поиску дальних пределов сознания. Сочетание шахматных рассуждений и личных моментов переживания хода борьбы пронизывало как комментирование Бронштейном партий, так и его публицистику. И удивительно, как близко он шел к идеям, которые когнитивист Аллахвердов клал в основу своей теории, хотя нет никаких сведений, что гроссмейстер и в 2003 году был знаком с текстом монографии Виктора Михайловича 1993 года «Опыт теоретической психологии». Во-первых, отрицание узких пределов возможностей сознания, якобы налагаемых физиологией нервной системы. Во-вторых, что тайна сознания заключается в его представленности в комплексе нашей психической деятельности: мы отдаем себе отчет в том, что думаем, ощущаем, а компьютер – нет. Бронштейн, который стал обильно играть с шахматными компьютерами, признавался: «Мне интересно просто, могу ли я сопротивляться бездушному существу... Я понимаю, как его учили, знаю, что он будет захватывать линию, вертикаль, горизонталь... а ничего больше он не умеет! Слабая пешка, сильная пешка, активная фигура, пассивная фигура... Он складывает все эти понятия, но я за него это легко представляю. Если пешка закрывает его слона, он непременно пойдет этой пешкой... Когда у меня слабость на одном фланге, я делаю слабость на другом – и он, как Буриданов осел!.. Моя тайная мысль – доказать, что у каждого человека есть от природы свой внутренний компьютер! Который и помогает нам молниеносно принимать решения каждую секунду жизни. Я думаю, что он по-своему проводит какие-то вычисления и делает это на таких фантастических скоростях, которые искусственному компьютеру ни сегодня, ни завтра даже не снятся»². Приведенный пример особенно ценен для системы Аллахвердова, что представляет собой независимую проверку

² Бронштейн Д., Воронков С. Давид против Голиафа. М., 2003. С. 130-132.

гипотезы, обеспечивающую ее достоверность. Особенно любопытно обращение Бронштейна к образу Буриданова осла, который скорее умрет, чем сделает выбор в проблемной ситуации с одинаково неопределенными выходами. А вот зарождение сознания, по Аллахвердову, и определяется реализацией свободного выбора в «буридановой ситуации» с последующим контролем за его последствиями (проверочной деятельностью), откуда открывается путь к преодолению шаблона и открытию новой идеи.

Ассоциация стилей мысли Аллахвердова с названными гроссмейстерами неслучайна. Огромная значимость творчества Бронштейна и Таля никем не оспаривается, их партии до сих пор вдохновляют любителей шахмат. Но при этом их профессиональная репутация была окутана дымкой сомнения: эти «гроссы» неклассичны, непочтительны к общепринятым традициям, демонстрируют «неправильную» игру, непредсказуемы в достижении будущих успехов. Да и на людях их поведение тревожило начальство своей, как ему казалось, экстравагантностью, нарочитым злоупотреблением свободой. «Лица необщее выраженье» настораживает и в научно-административном сообществе. Выдающийся фольклорист, профессор ЛГУ В.Я. Пропп в 1966 году сделал такую запись по поводу своего выдвижения на получение звания члена-корреспондента Академии наук: «На большом Ученом совете я получил 58 голосов, против голосовало четыре. Но в Москве я не пройду, т.к. известно, что я критикан и вообще элемент беспокойный и нежелательный»³. Что ж, Пропп нам ценен не титулом, а именем. В целом научное психологическое сообщество относится к трудам Аллахвердова с уважением, интерес к его идеям растет, его теория сознания учитывается в психологических публикациях. (Недоброжелательная критика его позиции исходит со стороны не психолога, а философа, привыкшего к неукоснительному следованию указаний

³ Неизвестный В.Я. Пропп. СПб., Алетейя, 2002. С. 250.

классиков диалектического материализма в редакции 1960-1970-х годов⁴. Это было время, когда мы, студенты, со скукой готовились сдавать экзамены по отшлифованной на партийных заседаниях философии и все-таки надеялись на появление свежих идей, так что такая критика в наши дни – эхо давней идеологической бдительности. Возможность ответить журнал предоставил Виктору Михайловичу только через три года. Ответ был убедительным, незлобным и остроумным⁵. Можно говорить о научной школе Аллахвердова, и в своих воспоминаниях он приводит парадоксальные, достоверные и интересные результаты многочисленных экспериментальных исследований своих учеников. Как автор монографии он стал победителем Национального конкурса «Золотая психея» в номинации «Проект года в психологической науке» 2003 года. Долгое время возглавлял Санкт-Петербургское психологическое общество. Но наш «парадоксов друг» – это потенциальный нарушитель успокоительного интеллектуального равновесия, воплощенного в учебных программах. Чего только стоят высказывания из 7-го тома сочинений! Вот несколько: «Абсурд, как мы увидим, – это, конечно, воздух для сознания... Научное открытие как тривиализация обоснованной ахинеи... Серьезность – это всегда обман. Серьезность может производить впечатление надежности, но на самом деле она просто лишенная азарта бесцветность. Серьезные глупости делают только серьезные люди... Наука – это интеллектуальная игра, самая интересная из всех игр на свете... Поэтому научная теория – это лишь карикатура на реальность, а не ее реалистическое изображение... Абсурдность математики. Сознание как великий математик. Математика сама по себе к реальности не имеет никакого отношения. Это всего лишь игра по придуманным правилам с ничего не значащими терминами. Математику часто не понимают. Но не потому, что она сложна, а именно потому, что по-настоящему абсурдна».

⁴ Дубровский Д.И. Сознание как «загадка» и «тайна»: к парадоксам «радикального когнитивизма» // Вопросы философии, 2017. № 9. С. 151-161.

⁵ Аллахвердов В.М. Тернистый путь к сознанию (Удивленный ответ на «критический разбор» Д.И. Дубровского) // Вопросы философии, 2020. № 7. С. 66-77.

Не удивительно, что при чтении таких лозунгов у ортодокса глаза на лоб полезут! Но не нужно пугаться. Во-первых, часть высказываний дальше смягчается уточнениями («Абсурд, как мы увидим, – это, конечно, воздух для сознания. Но все ж-таки живем не абсурдом единым»). Сама математика бессмысленна, но ее эмпирическая интерпретация может быть осмысленной). Во-вторых, привычное и распространенное значение слова подменяется его этимологическим истолкованием («ахиня» как афинская мудрость, не доступная примитивно мыслящим спартамцам). В-третьих, раскрывается некая специфичность значения слова, пусть и в узком, но научном употреблении. (В одной из статей «Википедии» «абсурд» представлен как «нечто алогичное, нелепое, глупое, из ряда вон выходящее, противоречащее здравому смыслу», а в следующей утверждается, что «в математике и логике, обозначает, что какой-то элемент не имеет никакого смысла в рамках данной теории, системы или поля, принципиально несовместимый с ними. Хотя элемент, который является абсурдом в данной системе, может иметь смысл в другой».) Последнее истолкование слишком специфичное и нуждается в предварительном авторском уточнении. Если же текст открывается названием «Таинственная прелесть сознания. Беседы о вечных проблемах, или прикосновение к абсурду», то иначе как вызовом это не назовешь. Книга Аллахвердова не для слабых духом, но брошенную им перчатку можно и поднять, тем более, что ее автор и ожидает именно дискуссии.

Меня интересует позитивная часть предложенной автором теории сознания. Она тесно связана с философскими установками и методологическими принципами науки – но не прибита к ним гвоздем. Я не обязан принимать постулаты гносеологии, которые отдают кантианством и феноменологией. Я совершенно не согласен, что бедные школьники должны сперва постигнуть абсурдный смысл математического языка, а потом интерпретировать его на доступном им житейском (эмпирическом) материале. В трактате Аллахвердова об искусстве я оспаривал положение,

что главный механизм художественного восприятия состоит в решении заданной бессознательным задачи, которая так и не всплывает в сознании, но приносит удовлетворение от преодоления какого-то таинственного парадокса. Это только философам и авторам очень абстрактных гуманитарных теорий кажется, что их рассуждения построены на основе железной логики и полной смысловой подогнанности последующего утверждения к предыдущему – там всегда есть семантические дыры, недоговоренности, нестыковки, неясности. Но я готов с благодарностью взять самое ценное, интересное и плодотворное для моих исканий из замечательного аллахвердовского понимания сознания. И могу рассчитывать на понимание моего друга. Во-первых, он сам говорит о том, что нет единого критерия истины и любая теория начинается с постулата, к которому не применим вопрос: «зачем»? Каждый свободен в выборе коренной, исходной очевидной и не обсуждаемой истины. Во-вторых, интуиция и автобиографический контекст не являются чем-то посторонним по отношению к построению персонального мирозерцания и к поискам теории мироздания и человеческой сущности – тому пример именно персонально-теоретический трактат Виктора Михайловича.

Трактат этот, повторяясь, назову замечательным, выдающимся произведением. А заостренность и парадоксальность идей и их стилистического и жанрового оформления связаны со стремлением обозначить четкие границы новой парадигмы сознания, что без некоторого перехлеста в выражениях трудно сделать. Я, во всяком случае, при обсуждении с Виктором Михайловичем его текстов предлагал смягченные варианты формулировок, будучи сам склонен к большей академичности слога. Но не мне судить. Когда в 1972 году готовилось открытие «Леонардо» (студенческого клуба психологов), мне Витя (его будущий президент) предложил выступить по теме, не имеющей прямого отношения к моей (филологической) профессии. И я назвал свою полуимпровизацию «О логике

бессмысленности в истории». (Неужели он уже тогда меня загипнотизировал?) Правда, я давал достаточно логичное объяснение преследованию средневековых колдовства и ересей как государственного терроризма при преследовании инакомыслия в условиях неспособности власти бороться с реальными трудностями (болезнями, неурожаями, стихийными бедствиями, нищетой). И уроки смелости я получал от Аллахвердова. Он не стал писать докторскую диссертацию, а предложил для защиты свою монографию⁶. И тогда я, не колеблясь, пошел на такой же рискованный шаг. Виктор Михайлович заражает духом свободного поиска и доброжелательной общительности. У него есть чему учиться.

Резкие формулировки своей позиции у Аллахвердова парадоксальны потому, что указывают на неспособность современной психологии объяснить ряд экспериментально полученных феноменов (например, неуставленные границы памяти мнемонистов) и преодолеть несогласованность многих объяснительных конструкций (скажем, понимание категории «сознание» философами, юристами, медиками и физиологами). Так Виктор Михайлович приглашает к совместному поиску ответов, поэтому вокруг него всегда роятся любопытные и не боящиеся трудностей студенты и аспиранты. Его последователи инициативны и упорны в исследовании, образовалась целая школа в рамках концепции психологичности – случай редкий в наше время! Волею обстоятельств они рассеялись по миру, но скоординированный процесс разработки новых идей продолжается. Нива засеяна. И последний трактат Аллахвердова является интереснейшей формой приглашения неизвестного ему читателя к включению в пульсирующий диалог ученого с его собеседниками, там обнажается ход развития мысли в потоке личного переживания событий прошлого, демонстрируется искусство задавать вопросы и готовность избегать скороспелых ответов. Одним словом, уникальная это школа – размышлять над парадоксами психологии!

⁶ Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб., Печатный двор, 1993. 325 с.

Игра идей у Аллахвердова подчинена серьезному стремлению построить систему единых принципов работы сознания, преодолеть эмпиричность разделов научной психологии, порожденной узко прагматическими целями или склонностью к методологическому анархизму. И он показывает возможную реализацию такой установки в применении ряда закономерностей к далеким друг от друга психологическим дисциплинам (действие позитивного и негативного выбора, отождествление нетождественного, установление границ различения, направленность на детерминистичность при переработке информации, функционирование защитного пояса). Напишет ли когда-нибудь Виктор Михайлович учебник, где органично сочетаются закономерности, установленные в частных дисциплинах психологии? Не знаю, хотел бы его почитать. Что Аллахвердов может – в этом не сомневаюсь. Его статьи в словарях и энциклопедиях демонстрируют такое умение. А написанная им глава «Сознание» в учебнике «Психология», изданном в СПбГУ в 1999 году, представляет убедительный конспект, который может быть развернут в обширный поучительный текст. Но боюсь, Виктор Михайлович слишком неприязненно относится к Аристотелю – автору «Поэтики», «Логики», «Физики», «Риторики», психологического трактата «О душе», – канонических, похожих на катехизис трактатов, пригодившихся науке на два тысячелетия. Видимо, жанр учебника больше фиксирует итоги, чем подталкивает к прорыву в неведомое, куда так тянет нашего друга парадоксов. Однако каждый может сконструировать систему Аллахвердова, проработав его книги, перетасовав его рассуждения и описанные им эксперименты в удобном для личного постижения порядке. И это было бы очень полезным делом для человека, входящего в мир психологии XXI века. А ждать остается следующего труда Виктора Михайловича, в котором ген построения единой психологии раскроется в еще большей полноте: ведь автору всего семьдесят пять! Виват!

И все, что я не смог сказать прозой, пусть дополнит стих:

Если б я был астроном,
Я бы нашел на тверди,
Как золотое руно,
Звездную Аллахвердию.

Если б я был винодел,
То в бороздах Алазани
Вырастил, к небу воздел
Гроздь Аллахвердиани.

Пил бы я их струю,
Сердце и мысль согревая,
Радуюсь как в раю
И аллахвердевая.

Если б я был поэт,
В бурных волнах анданте
Я посвятил бы сонет
Дольче Аллахверданте.

Если б философ был,
То в парадоксов кратер
Встроил бы и запустил
Вечный аллахвердиатор.

Но привела меня нить
В Ψ-уголок эдема,
Где я могу бродить
В рощах Аллахвердема.